

каких только затеях лужковского девелопмента ни встречал, потом Дмитрий Медведев предложил создать у нас музей науки, и он теперь то на ВДНХ планируется, то вокруг башни Шухова, то у университета, то в Сколково, то на ЗИЛе. Но вот музей СССР как-то не зажил такой жизнью — никто им не увлекся.

По-своему это даже забавно. Мы так много говорим об СССР, так много о нем думаем, так много оттуда берем — от идеалов соцобеспечения до политического словаря журналистов, — что, казалось бы, сомневаться в значительности этого исторического явления — это значит прямо идти под статью о фальсификации истории. Но при этом коллективный опыт людей, которые в принципе готовы реализовывать такие проекты, говорит — не-а. Нету там ничего, не надо этого делать.

Причем по отдельности можно. По отдельности музеефикации достойны революция, война, Афганистан, освоение космоса, ядерный щит, ГУЛАГ, писатели, поэты, ученые, калькуляторы, радиоприемники, противогазы, меню ресторанов и столовых и творчество доведенных советской властью до ручки душевнобольных. Собственно все это и составляет то бесконечное разнообразие музеев, которые наполняют Москву, — я описал 50, а их штук 300. Каждый ценит в СССР что-то свое, а все вместе — нет, не надо. До известной степени это свидетельствует в пользу органичности проведенной Анатолием Чубайсом процедуры приватизации.

Илья Кабаков когда-то придумал про советские изделия термин «плохая вещь»: имелось в виду, что весь вещный ряд советского времени — неважно, идет ли речь о бутылке, табуретке, автобусной остановке, ластике и т.д., — тронут какой-то пленкой неудачности, неточности, неблагополучия. Все — от мостовых до неба — действительно было каким-то, как выражались в школе, «мылким на ощупь», Кабаков, собственно, и пытался передать эту особую склизкую тактильность вещного ряда. СССР — невероятный разрыв между величием мира идей (всеобщего равенства и мирового господства) и тем составом предметов, которые от этой эпохи остались. Именно поэтому мысль сделать музей СССР не вызывает энтузиазма, вещи оскорбляют тех, кто увлечен идеями. Но с другой стороны, палка-копалка в музее доисторического общества, при всем своем непрезентабельном виде, не заставляет усомниться в том, что древний человек думал о Боге. Вероятно, качество советской табуретки — помните, такой выкрашенной зеленой краской — не должно само по себе заставлять сомневаться,

СССР — НЕВЕРОЯТНЫЙ
РАЗРЫВ МЕЖДУ
ВЕЛИЧИЕМ МИРА ИДЕЙ
И ТЕМ СОСТАВОМ
ПРЕДМЕТОВ, КОТОРЫЕ
ОТ ЭТОЙ ЭПОХИ ОСТАЛИСЬ

что эти люди мечтали о мировом господстве. Вот именно сидели на ней и мечтали.

Вообще-то музеи возникают тогда, когда кто-либо — группа лиц, или государство, или какая-нибудь организация — вдруг осознают, что сделанное и прожитое ими настолько уникально и значительно, что достойно музеефикации. Вот, скажем, пока городская канализация была просто сами понимаете чем, никакого музея им в голову не приходило сделать, но постепенно она превратилась в сложнейшую инженерную систему, совершенно уникальную и невероятно умно придуманную, и это так восхитило ее создателей, что через некоторое время возник музей Мосводоканала. Музея СССР нет постольку, поскольку, видимо, не находится группы лиц, кто считал бы, что СССР — достойное и значительное явление. Вы не слушайте, чего они говорят, — вы посмотрите, чего они делают или, вернее, чего не делают. Не хотят они туда. Тем более что современный музей — это обязательно вовлечение, интерактивность, погружение, а погружаться как-то не тянет.

Но я-то думаю, что музей СССР должен быть предельно традиционным. Это было «научное» общество, в том смысле, что странная разновидность науки превратилась в нем в религию — и ровно так, с соблюдением всех научных методик, его и надо делать. Все эти предметы, которые уже отобраны временем — тем, что их сохранили по красным уголкам и ведомственным музеям, все они должны быть выставлены с максимально подчеркнутой научной подачей — с происхождением этой табуретки, технологией ее изготовления, географией ее распространения и хронологией ее производства. Как сами они выставляли минералы или сушеных мух. Оказываясь в таком музее, мы бы могли чувствовать свое всемирно-историческое значение хотя бы в роли подопытных в прошлом. В Москву в год приезжают порядка 4 миллионов иностранных туристов, и большая часть из них потому, что здесь был центр мирового эксперимента, который поставило над собой человечество, пытаясь построить коммунизм, а жители России, как передовой отряд человечества, согласились быть подопытными. Это очень важная для человечества история, и странно, что в Москве нет места, где бы они могли на это посмотреть.

И даже не для иностранных людей это могло бы быть важным. Потому что представьте себе, что вы, например, значительное лицо, тоскующее от того, что государь-император мало вспоминает вас добром. Такие случаи бывают и описаны и в русской литературе, и в средневековых арабских сказках. И вот вы вдруг — раз, и делаете музей СССР. И говорите, мол, государь-император, извольте видеть, вот музей СССР, я сделал. Конечно, это должно быть не фуфло какое-нибудь, а явление значительное, но если соединить вместе сотню музеев из одной только Москвы, то значительный эффект возникнет сам собой. Причем это же быстро можно сделать, за год-два. И государь, узнав о такой вашей доблести, возможно, вспомнит вас добром.

Черт, я не знаю, как увлечь этим людей. Но я хотел бы сделать такой музей.

Борис Орлов. «Парад спортсменок», 2000–2012 годы